

«Совхозы так и не стали снабжать своих рабочих мясом и молоком»

На следующий день после разговора с Фрименом, 31 июля 1963 года, отец посылает в Президиум ЦК еще одну записку, теперь об экономике села в целом. За прошедшие десять лет сделано много, но еще больше не сделано, «многие отстающие колхозы и совхозы как были отстающими, так и остались». Колхозы, преобразованные в совхозы, множат свои убытки, висят на шее государства, а производственные управления смотрят на это сквозь пальцы. Выход отец видит в подборе людей, в укреплении дисциплины и... в борьбе с личным подворьем.

«Многие рабочие и руководители совхозов увлеклись разведением личного скота. К примеру, на ферме совхоза “Добровский” Липецкой области содержится всего 1 384 коровы, а служащие совхоза содержат в личном хозяйстве 2 280, в совхозе имени Кирова, под Ташкентом, 1 570 голов крупного рогатого скота, у служащих же – 1 952 голов, и так повсеместно. Содержится этот скот за счет совхозных кормов, пасется на совхозных посевах, уничтожает совхозные хлеба. В результате совхозный скот голодает, – делает вывод отец, – его держат на половине, а то и на четверти кормовой нормы, лишь бы в отчетно-статистических отчетах выглядеть получше».

И что же он предлагает?

«Необходимо иметь реальные планы выращивания поголовья скота, с учетом возможностей каждой республики, каждой области, каждого производственного управления, каждого колхоза и совхоза в отдельности, – (что вполне разумно), но тут же добавляет: – Возьмите то количество кормов, которое растаскивают нечестные люди для содержания своего личного скота. Если их вернуть в совхоз, то можно удвоить норму кормления, резко поднять удои молока. Мы уже принимали решения по этому вопросу. Где торговля не обес-

печивает людей продуктами животноводства, совхозы должны продавать мясо своим работникам.

Что же касается нетрудовых элементов в совхозах, использующих личный скот в спекулятивных целях, то здесь надо принять безотлагательные и жесткие меры, запретив спекулятивным элементам содержать скот. Необходимо пересмотреть нормы приусадебных участков – или уменьшить их, или совсем ликвидировать, и создать на их месте общественные огороды».

Дальше отец много и подробно пишет о мерах по повышению продуктивности животноводства, ссылаясь на опыт Германии, предлагает какие-то меры, но на эти его слова читатели в ЦК не обратили особого внимания, он все это уже говорил и раньше, а вот «безотлагательные и жесткие меры» начали предпринимать незамедлительно.

Совхозы так и не начали снабжать своих рабочих мясом и молоком, но там, как рассказывали очевидцы, повсеместно, с милицией, отбирали скот у работников, сгоняли людей с земли. Она зарастала бурьяном, до общественных огородов руки не доходили. Благие намерения отца обернулись злом людям, которых он хотел облагодетельствовать. Село не простило ему этой «инициативы» и по сей день. Не простило, несмотря на то, что угроза отца, по существу, как и в 1959 году, так и осталась угрозой. Статистика утверждает, что количество скота в подворьях колхозников и совхозников в 1963–1964 годах по сравнению с 1962 годом практически не изменилось. Так, в 1963 году в личном хозяйстве колхозников содержалось 14 миллионов 890 тысяч голов крупной и средней живности, по сравнению с 14 миллионами 667 тысячами голов, зарегистрированными в 1962 году. Такая же картина наблюдается и в совхозах: 9 миллионов 634 тысячи голов в 1963 году и 9 миллионов 209 тысяч в 1962-м. Не изменилось соотношение и в следующем, 1964 году, у колхозников поголовье личного скота чуть сократилось, до 14 миллионов 666 тысяч голов, то есть до уровня 1962 года, а у совхозников, по сравнению с 1962 годом чуть возросло, до 9 миллионов 416 тысяч голов.

Статистика статистикой, ею никто не интересуется, а в памяти народной после этой злосчастной инициативы отец запечатлелся крестьянским гонителем.